

«...Cual si Agar abrazara a Job»: Библейский текст в лингвокультуре

Н.М. Орлова
(Россия)

Resumen

Este artículo trata del carácter universal del texto bíblico como fenómeno precedente y su papel en la interacción intercultural en la traducción literaria.

Осуществление широкой межкультурной коммуникации немислимо без овладения культурно-значимыми единицами, которые обладают воспроизводимостью, устойчивостью компонентного состава, знакомы широкому кругу носителей языка и отражают культурную память национально-лингвального сообщества, иначе говоря, прецедентными феноменами.

Библейский текст является прецедентным феноменом особого рода. Наиболее яркое и существенное его отличие – всеохватность и универсализм, что подтверждается, в частности, включением его в европейский и мировой литературный канон, культурное влияние библейского текста подчеркивается всеми учеными, в том числе наиболее авторитетными (Jauregui 2000).

Нами уже отмечались отчетливые признаки кросскультурной универсалии у библейского текста как прецедентного феномена (Орлова, 2008, с. 28–33). Даже при значительных искажениях и привнесениях в структуре когнитивной матрицы библейского текста по сравнению с художественными текстами, написанными на разных языках, наблюдается как сохранение концептуальной связи с

исходным текстом (Библии), так и универсальный межъязыковой характер ключевых концептов и когнитивных линий. Так, *sodom* во всех языках – символ греха и разврата; ключевой концепт ситуации «Жертвоприношение Авраама» – *жертва* (Лесков, Бродский, Лефевр, Липкин и др.); одна из наиболее воспроизводимых в художественных текстах линий Книги пророка Ионы – «чрево кита». Ср. у Дж. Оруэлла: *Inside The Whale* – причем как в русских, так и в английских текстах отмечаются сходные пояснения относительно того, что *kitt* на самом деле *kittom* не является.

При обращении носителей разных языков к Книге Руфь наиболее часто воспроизводится линия «Руфь, собирающая колосья» (Андерсен, Кристина Джорджина Россетти, Р.М. Рильке, В. Гюго, Конст. Леонтьев, Д.Х. Лоуренс и др.). Еще в XVII веке Тирсо де Молина прямо называет драму, содержащую в своем нарративе опору на библейский сюжет, «La Mejor Espigadera» (в русском литературоведении – «Лучшая собирательница колосьев»).

Сходные смыслы проявляет прецедентное имя «Руфь» в образной системе «Поэмы осени» («Poema del otoño») Рубена Дарио, хотя концептуальная связь с Библией ослабевает и стихотворение посвящено вечным размышлениям о вступлении человека в последний период его земного существования; лирический герой выражает надежду на то, что финал жизни пройдет под знаком любви и страсти («¡Vamos al reino de la Muerte por el camino del Amor!»)

В когнитивной матрице такого текста встреча Руфи с Воозом инвертируется из библейского в некий античный сюжет:

Amor a su fiesta convida y nos corona. Todos tenemos en la vida nuestra Verona. Aun en la hora crepuscular canta una voz: «**Ruth, risueña, viene a espigar para Booz!**»

Дальнейшая смысловая эволюция имени «Руфь» как *скромной, кроткой* основана на ассоциативной связи (*Руфь, собирающая колосья – трудолюбивая – скромная*); эти смыслы находят вербализацию в художественной картине мира разных авторов, что подтверждает универсализм библейской прецедентности. В европейских языках Руфь может быть охарактеризована как *скромная (humble)* и *кроткая* (ср. у Н.Лескова: *кроткая Руфь*, у И. Бунина: *кроткая праматерь Давида Руфь*); характеристика Руфи как женщины, которой свойственны *pokora, cichość* в польском языке, и др.

Культурный универсализм библейской прецедентности способствует адекватному переводу прозы и поэзии, близкой передаче образов, метафор, смыслов; количество подобных примеров огромно. Например, во французском переводе стихотворения Арсения Тарковского «И я ниоткуда...» находят экспликацию ключевые концепты ‘жертва’ и ‘отец/сын’, в равной степени значимые и для языка оригинала, и для соответствующей прецедентной ситуации: «среди всех когнитивных линий <...> абсолютно сильную позицию обнаруживает линия «Жертва, жертвоприношение» и соответствующий ключевой концепт» (Орлова, 2009, с. 255), ср.:

Я **сын** твой, отрада Твоя, **Авраам**, И **жертвы** не надо Моим временам.
Me voici **Abraham** Je suis ta joine ton **fils** Et mes temps ne demandent
Plus d’humain **sacrifice** (пер. Henri Abril).

В приводимом фрагменте из стихотворения Габриэлы Мистраль «El espiño» (в русском переводе «Терновник») аллюзия на страдания Агари осуществлена за счет отсылки к другому прецедентному тексту Библии – Книге Иова, сближению в одном контексте имен из разных сюжетов (Иова и Агари). Перевод Инны Лиснянской отмечен внутренней точностью, поскольку имена двух глубоко страдающих персонажей Библии имеют сходные ассоциации и смыслы в языковой и когнитивной картине мира носителей разных языков:

El espiño prende a una foga su enloquecida contorsión, y es el espíritu del yermo, retorcido de angustia y sol <...> Me ha contado que me conoce, que en una noche de dolor en su espeso millón de espinas magullaron mi corazón. Le he abrazado como a una hermana, **cual si Agar abrazara a Job**, en un nudo que no es ternura, porque es más desesperación!

Терновник ранивший да и ранимый В безумной судороге ворошит пески, он врос в скалу – пустыни дух гонимый – и корчится от боли и тоски <...> И – я терновник обняла с любовью (**так обняла бы Иова Агарь**): мы связаны не нежностью, а болью, а это – больше, дольше, верь мне, верь!

Смысловая эволюция концептов библейского истока в разных языках может иметь отличия. Так, *the massacre/slaughter of the innocent* – *избиение младенцев* – в английском языке имеет трагическую окраску, в русском – ироническую; ср. также русское *манна небесная* и чешское *nebeská mana*, различающиеся как по семантическим оттенкам, так и по активности употребления; однако степень прецедентности библейского текста необычайно высока во всей мировой культуре. Прецедентные импульсы Библии могут иметь ошутимое влияние не только в аутентичном тексте, обращенном к

ней, но и сохраняться при прохождении через ряд вновь продуцированных текстов, обретая при этом новое смысловое наполнение. В результате обращения Эрнеста Доусона (Ernest Christopher Dowson) к тексту 12 Псалма рождается новое прецедентное высказывание, давшее название роману Маргарет Митчелл, а в дальнейшем обретшее новую прецедентность как в английском, так и в русском языках (*gone with the wind* / *унесенные ветром*).

Таким образом, библейскому тексту как прецедентному феномену присущ культурный универсализм, что находит отражение в языке, текстообразовании, общности концептов библейского истока в когнитивной базе носителей разных языков. Тексты, восходящие к библейским сюжетам, лексические и фразеологические библеизмы, словообразовательные дериваты, связанные с лексикой библейского происхождения (Хромова, 2007), – универсальный прецедентный фонд межкультурной коммуникации и переводческой деятельности, направленной на глубокое постижение авторского замысла.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. JAUREGUI de, J. A., 2000: *Europa, tema y variaciones*. Madrid: Maeva.
2. ОРЛОВА, Н.М., 2008: *Библейский текст как прецедентный феномен*. Саратов, СГСЭУ.
3. ОРЛОВА, Н.М., 2009: «Прецедентный потенциал Библейской ситуации». *Ученые записки КГУ. Гуманитарные науки*. Т. 151, кн. 6. Казань, сс. 254-263.

4. ХРОМОВА, С.А., 2007. *Индивидуально-авторское
словотворчество в его отношении к языковому
словообразовательному стандарту.* Дисс. ... канд. филол. наук.
Саратов.